

Стратегия-2030: что делать с российской экономикой?*

17 сентября 2015 года в Москве состоялся диспут Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА) на тему «Стратегия-2030: что делать с российской экономикой?».

Это был юбилейный, 100-й диспут АНЦЭА, поэтому диспутантами выступили все президенты Ассоциации со времени ее создания:

Леонид Маркович Григорьев, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ, руководитель Департамента мировой экономики ФМЭиМО НИУ ВШЭ (президент АНЦЭА в 2002–2005 гг.),

Александр Александрович Аузан, научный руководитель Института национальных проектов, декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (президент АНЦЭА 2005–2011 гг.),

Евсей Томович Гурвич, руководитель Экономической экспертной группы (ЭЭГ) (президент АНЦЭА с 2011 по 2015 г.)

Публичные выступления этих известных экономистов всегда отличаются глубиной анализа, высочайшим профессионализмом, оригинальностью и широтой научной мысли. Они вносят весомый вклад в решение непростых проблем, стоящих перед нашей экономикой.

По мере углубления экономического кризиса обостряется интерес к извечному вопросу «Что делать?». Предшествующий ему вопрос «Кто виноват?» обсуждается в меньшей степени, поскольку ответы на него надо искать, скорее, во внеэкономической плоскости.

В этом году исполнилось 25 лет программе «500 дней», которая ставила своей целью переход (*transition*) страны от плановой социалистической к рыночной экономике ради

реализации, как говорили тогда, «прав граждан на лучшую, более достойную жизнь». Как оценить прошедшие четверть века реформ?

Расставание с социализмом прошло легко и быстро, и это стало общепризнанным. Нынешнее состояние страны многие определяют как «новый российский капитализм», и есть очевидные разногласия по поводу того, пришли ли мы к «искомому желательному или ожидаемому» типу демократического общества с эффективной экономикой, основанной на конкуренции, частной собственности и адекватном регулировании.

Какой капитализм у нас получился?

Открывший диспут **Леонид Григорьев** призвал без стеснения признать, что *transition* нам не удался, поскольку Россия не смогла перейти от среднеразвитой, очень образованной, причем избыточно образованной, особенно в военнопromышленном деле, страны к среднеразвитой, но более рыночной и демократичной.

Александр Аузан высказал прямо противоположную точку зрения: «Леонид Григорьев сказал, что транзит не удался, я считаю, что транзит прошел необычайно успешно. Просто это был транзит от экономики дефицита к обществу потребления. Мы прошли огромный путь от дефицитной экономики 80-х гг. до современного общества потребления 2013 г.! Поэтому во многом та точка, в которой мы находимся, определяется не неудачей транзита, а его успехом».

Леонид Григорьев прокомментировал возмущение Александра Аузана, который в ответ на слова «*transition* нам не удался» заявил, что нам удался переход от дефицита к потреблению. Произошла некоторая подмена тезиса: действительно, переход от дефицита к потреблению еще как удался, но нельзя всерьез

* Материал подготовил генеральный директор НПФ «Экспертный институт» А.В. Лопухин.

считать дачи и коттеджи, «Ашаны» и «Азбуки вкуса», изобилие импортных автомобилей, товаров и продуктов мериллом успеха реформ за последние 25 лет. А какие еще достижения могут порадовать?

По мнению Леонида Григорьева, одной из главных причин такого трудного перехода от социализма к российскому капитализму стал слишком тяжелый кризис. Если восточноевропейские страны в 90-е гг. имели минус 20–25% ВВП в течение 5–6 лет, то в России спад был в два раза сильнее: минус 43% ВВП и десять лет. Кроме того, реформы должны были затронуть не только политику и экономику, но и социальную сферу в рамках общей программы преобразований. Завершая эту мысль, Леонид Григорьев напомнил аудитории: «Кстати, когда мы ругаем власть, а это наше любимое занятие на диспутах, мы все время забываем, что мы сами не особо сопротивлялись тому, что с нами делала жизнь в эти годы».

К этому надо добавить проблему неравенства, которая заставляет постоянно менять экономическую политику в зависимости от обстоятельств. Например, в такой ситуации у нас не может быть постоянно сильного или вечно слабого рубля. Часть отраслей и регионов всегда будет хотеть сильного рубля, а другая — слабого. Поэтому рубль и политика всегда должны быть сложными, переменными в зависимости от обстоятельств. Только максимально гибкая «гибридная» политика может обеспечить экономический рост, подчеркнул Леонид Григорьев, который еще в 2003 г. в опубликованной в «Известиях» дискуссии сформулировал: «Рост есть, а счастья нет».

В 2007 г. диспутанты **Леонид Григорьев, Александр Аузан, Евсей Гурвич** вместе с группой коллег завершили работу над стратегией развития России до 2016 г. под названием «Коалиции для будущего».

В дискуссии Леонид Григорьев построил свою презентацию на материалах той программы и идее, что она не устарела, особенно в сфере собственности и финансовом секторе. В той работе говорилось о том, что страна встала перед реальным выбором стратегий развития на обозримое будущее:

- мобилизация — концентрация ресурсов государством и их перераспределение в пользу

выбранных по геополитическим мотивам приоритетных направлений (инфраструктура, энергетика, авиастроение, нанотехнологии и т.п.), которые должны создать потенциал для надежной обороноспособности и повышения качества жизни населения;

- рантье — максимизация ренты от природных ресурсов и ее перераспределение в форме социальных трансфертов населению;

- инерция — маневрирование между группами интересов, борющихся за доступ к ресурсам, акцент на меры тактического характера, приоритет экономической и политической «стабильности» над болезненными преобразованиями, необходимыми для развития;

- модернизация — поэтапное формирование общественных коалиций для глубокой модернизации институциональных механизмов, отвечающих за инновационную и инвестиционную активность, качество общественных институтов и государственного управления.

Нам выпал мобилизационный путь. Сильная сторона мобилизационной стратегии — модернизация отраслей, объявленных «прорывными», слабые стороны — низкая эффективность чрезмерно «большого» государства и неустойчивость источника финансирования. В коалицию ее активной поддержки входят чиновники и игроки «прорывных» отраслей.

У нас государство-реформатор или государство-регулятор текущих процессов? По мнению **Леонида Григорьева**, наши проблемы лежат в сфере крупной собственности и финансового сектора. В 1990-е гг. создали неудачную систему контроля собственности, при которой теоретически нельзя выйти на хорошие биржи, потому что у нас минимальный контрольный пакет акций 75%, а лучше 100%. Все отчитались о достижениях по трансформации сегментов финансового сектора, но рынка облигаций нет, крупных частных банков так и нет, а малых остается все меньше. В стране есть только три государственных банка и сорок крупных концернов. За 20 лет не сделано элементарной работы по налаживанию финансового рынка, не сумели внедрить все известные финансовые инструменты, и сейчас мы вновь обсуждаем, почему у нас нехватка средств на инфраструктурные проекты.

Пока мы радуемся, что у нас ВВП падает не очень сильно (около 3,5–4% в 2015 г.) за счет прироста чистого экспорта, отметил Леонид Григорьев. Но реальное личное потребление, накопление и государственные расходы упали очень прилично — на 6–10%, а это уже не только статистика.

Кризис не только в России, если кого-то это может утешить. Разыгрывается «японская» болезнь в развитых странах, почти везде падает промышленное производство, даже Китай замедлился. Люди пока не привыкли к этим неприятностям. Но глобальные конфликты и проблемы будут, конечно, обостряться, а колебания цен на нефть будут несколько более гладкими, но менее приятными.

В мире идет ломка географического развития, происходят новые технологические сдвиги, перестройка энергетики. Пора адаптироваться к реалиям этого очень сложного мира, а не ждать скачка цены «бочки». И уже стоит подумать, как именно мы собираемся расти. Главное, считает Леонид Григорьев, состоит в том, что за 25 лет мы поняли и увидели, наконец, какая наша страна безумно сложная.

Евсей Гурвич предложил основываться на макроэкономических показателях, чтобы понять, где мы находимся, и посмотреть рост ВВП за последние 10 лет. У нас был лозунг «За 10 лет удвоить ВВП», и можно сравнить 2014 г. с 2005 г., когда цены на нефть в долларах были практически такими же, как в этом году (то есть влияние этого фактора нивелируется). Получается, что за 10 лет накопленный рост российской экономики составил 27%. При этом мировая экономика выросла намного больше — на 45%. Средние темпы роста у нас за это время составили 2,4 по сравнению с 3,7% в мире, то есть мы росли в 1,5 раза медленней.

Доля российской экономики в мировой менялась вместе с ценами на нефть. Выросли цены на нефть — удельный вес российской экономики растет, и нам кажется, что наша значимость в мире повышается, наши позиции укрепляются. Падают цены на нефть — вместе с ней падает доля нашей экономики. За 10 лет она осталась практически на том же уровне, где и была: порядка 1,6–1,7% мировой экономики. В итоге мы никуда не двинулись.

По-прежнему остается очень высоким чистый вывоз капитала частного сектора, то есть наша экономика малопривлекательна для инвестиций. При этом у России нет некоторых проблем, характерных для многих развивающихся стран: например, у нас достаточно высокий уровень сбережений в экономике и небольшой государственный долг.

Но большой отток капитала говорит о том, что наша проблема не в том, что нет денег, хотя это самое популярное объяснение наших проблем. Если нет денег, то кто объяснит, что же тогда утекает из страны в таких огромных масштабах? Этот вопрос надо всегда задавать тем, кто доказывает, что «нехватка денег» — главная проблема российской экономики, отметил Евсей Гурвич.

Среди основных причин сегодняшних трудностей надо отметить возросшую долю присутствия государства в экономике при низкой эффективности его участия в ней. Кроме того, для компаний с госучастием в последние годы характерны рост операционных издержек темпами выше, нежели в частном секторе, поддержание избыточного уровня занятости и реализация ряда инвестиционных проектов с отрицательным денежным потоком.

Последние годы рост российской экономики напрямую связан с изменениями объема нефтяных сверхдоходов. Начиная с 2008 г. корреляция близка к 1 и составляет 0,93. Это говорит о том, что, несмотря на все усилия нашей власти, вместо диверсификации экономики, о которой так много говорили, произошла ее «баррелизация». Сейчас мы это видим практически ежедневно: экономика реагирует на малейшее движение нефтяных цен.

И в силу этого, чтобы оценить наши перспективы, естественно, важно понимать, как будет дальше меняться цена на нефть, раз мы так к ней привязаны. В девятом номере журнала «Вопросы экономики» этого года Евсей Гурвич с коллегами опубликовал статью. В ней, ссылаясь в том числе на международные исследования, они приводят аргументы в пользу того, что цены на нефть в 2012 г. прошли пик 30-летнего суперцикла и вступили в длительную фазу падения, которая закончится как раз примерно в районе 2030 г.

К этому времени цена на нефть может снизиться до 30–35 долларов за баррель (в сегодняшних долларах). Это не значит, что цены на нефть сразу обвалятся, это будет процесс с колебаниями, но общий тренд будет понижающийся. Основной посыл статьи состоит в том, что сейчас не низкие цены на нефть, а как раз нормальные, они соответствуют долгосрочному тренду. А вот предыдущие 15 лет они были аномально высокими, и нужно воспринимать это как удачу: мы выиграла в лотерею примерно 2,5 трлн долларов. Но при этом мы были уверены, что мы их «заработали», и эти сверхдоходы нам даны навсегда. Сейчас наступает горькое разочарование и, как надеется Евсей Гурвич, осознание истинной ситуации.

Поэтому перспективы роста российской экономики совсем не радужные. Они и при неизменных ценах на нефть не очень блестящие, но при падающих ценах выглядят совсем тяжелыми. Возможные средние темпы роста в таких условиях оцениваются между 1 и 1,5% в год. Это в 2–3 раза меньше, нежели рост мировой экономики. С соответствующими последствиями и для возможностей государства, и для зарплаты граждан, и того, что для нас всегда было важным (а сейчас важно, как никогда), — нашей позиции в мировой экономике.

По мнению Евсея Гурвича, именно доля страны в мировом ВВП определяет ее объективную значимость в мире. Сейчас по этому показателю Россия со своим 1,7% стоит наравне с Мексикой. А к 2030 г., если не предпринять героических усилий, то есть не провести серьезных глубоких реформ, доля России сожмется примерно до 1% мировой экономики. Проецируя на текущее положение, это значит, что Россия окажется где-то между нынешними позициями Индонезии и Турции. При наших амбициях, отметил Евсей Гурвич, это будет болезненно, но выход только один — работать, все зависит только от нас.

Александр Аузан поднял тему социального контракта, то есть обмена ожиданий населения на определенные установки власти, а также предлагаемых обществу ценностей, которые влияют на экономическую политику. Он напомнил, что впервые формулировка «общественный договор» появилась в преамбуле

программы Германа Грефа. Тогда договор назывался «налоги в обмен на порядок» и дал определенные результаты в первые годы реформирования. Но потом произошел сбой, связанный, например, с тем, что в стране начался не только экономический рост, который имел внутренние источники, но и конъюнктурный рост нефтяных доходов. Подобно тому, как это произошло в СССР с самотлорской нефтью в 60-е гг., решение о пути развития было принято не в пользу реформ, а в пользу ренты. Вследствие этого изменились и установка власти, и ожидания населения.

Довольно долго мы существовали в благополучных условиях договора «стабильность в обмен на лояльность». В рамках инерционной стратегии шел рост реальных доходов, власть не вмешивалась в экономические и личные дела населения, а население не вмешивалось в дела государства и согласилось на ограничение своих прав в политике. Сложнее стало во время кризиса 2008–2009 гг., когда экономическая конъюнктура ухудшилась, поэтому пришлось пойти на модификацию общественного контракта и повысить социальные обязательства бюджета в обмен на лояльность. Накачка доходов бюджетников и пенсионеров позволила довольно мягко выйти из кризиса. Это облегчило политической власти прохождение сложного электорального процесса 2011–2012 гг., но при этом привело к очень мощным макроэкономическим рискам, поскольку экономика была уже не в состоянии дальше тащить этот тяжелый груз обязательств.

То, что произошло потом, также связано с нефтью. В 2014 г. произошел очень серьезный сдвиг. Почему? Можно говорить о разных причинах. Например, о том, что не сходились концы с концами по социальным обязательствам в прежней модели экономики, или о том, что начавшееся с 2011 г. замедление экономического роста нужно было чем-то компенсировать. Оно было компенсировано, как сказал Александр Аузан, расширением пространства. Потому что Абхазия, Крым, Арктика — это некоторая компенсация того, что страна движется все медленней и все менее результативно.

Конечно, были культурные предпосылки у такого развития событий. Во времена СССР

населению в условиях постоянного дефицита жить было тяжело, но страна лидировала в космосе, в искусстве и литературе, поддерживала революции на Кубе и в других странах. У людей было ощущение мирового лидерства страны, ее важности и привлекательности. Что изменилось с тех пор? Экономика дефицита ушла, общество потребления построено. Дальше возник вопрос о том, что мы ведь еще были великой державой. И это, по мнению Александра Аузана, довольно важная предпосылка поворота, потому что были исчерпаны задачи, связанные с собственным потреблением. Сейчас мы оказались в точке, когда реальные доходы населения снижаются, при этом протестов, по крайней мере видимых, нет, индекс социальных ожиданий высокий, консолидация вокруг власти растет.

Александр Аузан полагает, что мы теперь находимся в другой форме обмена ожиданиями — «ограничение потребления в обмен на принадлежность к великой державе» или на ощущение такой принадлежности. Как долго может продержаться этот новый социальный контракт? Если контракт «стабильность в обмен на лояльность» основан на хорошей мировой конъюнктуре и нефтяных ценах, то здесь нет такой подложки. Этот контракт нужно подкармливать либо военными победами, либо громкими проектами. Путь военных побед связан с колоссальным нарастанием рисков, а путь больших проектов связан с риском недостатка денег для их реализации. Можно предположить, что будет некоторый всплеск такого рода проектов в ближайшие два года, к 2018 г. они должны быть введены, а потом ресурс может закончиться.

Недавно проведен опрос, в котором приняли участие 124 члена Экспертного совета при правительстве РФ, по поводу того, куда надо вкладывать бюджетные средства. На приоритетное место они поставили расходы на образование и здравоохранение, затем на инфраструктуру и с большим отставанием на оборонно-промышленный комплекс (ОПК). А при ответе на вопрос, насколько вероятно, что бюджетные средства будут вкладываться в образование и здравоохранение, в инфраструктуру или в ОПК, приоритеты выстроились совершенно иначе: на первом месте оказались вложения в ОПК, на

втором — в инфраструктуру, на третьем — на образование и здравоохранение. Почему? Ведь формально главными целями роста государственных инвестиций объявлены человеческий капитал и расширение инфраструктуры...

Ответ на этот вопрос дает мнение экспертов о будущей динамике доверия к президенту, правительству, судебной системе, к небанковским финансовым институтам, а также людей друг к другу. Политическое доверие, скорее всего, будет стабильным, доверие к правительству и экономическим институтам будет снижаться. Но самое печальное, что надежд на увеличение доверия практически нет.

Александр Аузан напомнил работы американского экономиста Мансура Олсена, который показал, что обычно серьезным экономическим скачкам предшествует накопление доверия в обществе и связанный с этим резкий рост социального капитала. (Одно из определений социального капитала — способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям. Социальный капитал считается фактором экономического роста на уровне отдельных фирм и национальной экономики в целом — прим. автора).

А почему так происходит? Это связано с горизонтом планирования у лиц, принимающих государственные решения. Большинство опрошенных экспертов считает, что желательный горизонт планирования — до 10 лет и более, возможный в нынешних условиях — 5–6 лет, а реальный — до 3 лет. Чиновники понимают, что вложения в образование и в здравоохранение не дадут быстрого результата. Это очень длинные инвестиции, в которых в первую очередь заинтересованы группы, имеющие малую переговорную силу. Вложения в инфраструктуру интересны более сильным группам и региональным элитам, поэтому их шансы выше. Вложения в ОПК, которые сегодня расходуются весьма непрозрачным образом, получают мощную политическую поддержку и становятся приоритетными. Это результат короткого горизонта планирования принятия решений.

Опыт реформ и видение будущего

Евсей Гурвич отметил, что очень трудно предсказать судьбу той или иной экономической

стратегии: она может найти отклик и быть использована или почти целиком отвергнута, не исключено, что через какое-то время она окажется вновь востребованной. Концепцию долгосрочного развития (КДР) разрабатывало министерство экономического развития, советуясь с экспертами, Стратегию-2020 доверили не чиновникам, а экспертам и ученым. Дело не в том, удачные они или нет, а в том, что на них нет спроса по политэкономическим соображениям. Если стратегия ущемляет интересы влиятельных групп, она блокируется. Не только стратегии, даже указы президента у нас не выполняются.

Точкой отсчета начала реформ **Александр Аузан** считает не программу «500 дней», а первую официальную стратегию — программу Германа Грефа, которая почти была принята. Она была рассмотрена в июне 2000 г. на заседании правительства Российской Федерации, принята за основу, но больше к ней не возвращались. Эта программа интересна уже потому, что это реальная действующая программа первого президентского срока Владимира Путина, когда шли вполне очевидные и результативные реформы.

Первый вариант Концепции долгосрочного развития (КДР) России до 2020 г. был подписан председателем правительства Владимиром Путиным в ноябре 2008 г., после крушения мировых рынков и начала мирового кризиса. Концепцию доработали в 2011 г., она превратилась в Стратегию-2020, которая представляет собой набор альтернативных вариантов экономической политики и целевых количественных показателей. «Эта работа была бы хороша, если бы мы понимали, куда мы идем», — подчеркнул Александр Аузан. На вопрос, какой же вариант выбирать, правительство так и не ответило, поэтому Стратегия-2020, несомненно, успешна, потому что она готова к применению в любой момент.

За это время горизонт Стратегии-2020 сократился до пяти лет, и летом этого года правительство РФ поручило создать рабочую группу по разработке Стратегии-2030. Поскольку выбора пути развития не произошло, получается, что мы за 15 лет стратегирования не ответили на вопрос, куда мы плывем. Поэтому все

стратегии лишь про то, насколько быстро нужно двигать веслами, а вопрос, куда плывем, не поставлен. Александр Аузан считает, что это и есть центральный вопрос, с которым придется иметь дело.

Упомянутая программа Германа Грефа и Концепция долгосрочного развития (КДР) — это все явления примерно одного порядка, считает **Леонид Григорьев**. Прежде всего, в них не прорисованы главные проблемы страны: государственное управление (в смысле «говернанс»), собственность, устойчивость политики и долгосрочные цели. Программу Грефа можно образно сравнить с попыткой чинить паровоз на полном ходу. Это была хорошая затея в целом ряде отношений, но она не соответствовала масштабу того, что надо было делать с нашим капитализмом. Концепция долгосрочного развития — это просто таблицы прогнозных цифр, причем они в ряде случаев не сходятся друг с другом. Поэтому КДР и не стала общественным ориентиром. И они обе слишком короткие по горизонту, короче отраслевых и областных стратегий.

Давно и много говорят о необходимости преодолеть ценовую зависимость от энергоносителей. Прежде всего, есть проблема: сначала нефть, а потом институты, или, наоборот, сначала институты, а потом нефть? Страны, которые справились с «ресурсным проклятием», начинали с институтов, а не с раскройки ренты. Нужен эффективный механизм перераспределения доходов, грамотная налоговая и финансовая политика. Простого способа решения этой задачи, особенно для нашей страны, не существует.

Не оправдываются и планы привлечения иностранных инвестиций. Нигде в сколько-нибудь больших странах иностранные инвестиции устойчиво не превышают 1–2% ВВП при норме накопления 20–22%. Были какие-то периоды в истории США, которые получали больше этой величины в XIX в., можно найти еще примеры, в основном в малых странах и не при санкциях. Но устойчиво все равно 95% инвестиций должны быть национальными. Инвестировать должны собственники. Определенные типы проектов были исторически государственными с последующей приватизацией. У нас есть

деньги, но мы вывозим их вслед за нефтью, а потом и люди эмигрируют вслед за ними.

Леонид Григорьев подчеркнул, что не верит в «общественный договор» между властью и населением, пока не станет ясно, наконец, между кем и кем он существует. Например, общественный договор мог существовать в XVIII в. между монархом и парламентом, но в современной России договоры могут быть между группами интересов, разными по степени влияния или противодействия. В реальности это не «парный» договор между обществом и властью, это договоры между группами с их властью, ресурсами, интересами, страхами и т.д.

В журнале «Вопросы экономики» № 4 за 2008 г. опубликована статья (Л. Григорьев, С. Плаксин, М. Салихов «Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций» — *прим. автора*), в которой насчитывается 44 группы интересов, в том числе порядка 20 влиятельных. Эти группы преследуют свои интересы, точно знают, что хотят, и способны затормозить или обратить в свой интерес любую реформу, повлиять на выбор стратегии развития России.

Если говорить о ключевых проблемах экономики, надо исходить из того, что прогресс зависит от креативных людей бизнеса и интеллигенции, которые и обеспечивают инновации. Чиновники присматривают, чтобы инноваций не было слишком много, чтобы они не мешали им работать. Но все равно кто-то должен творить и придумывать, а борьба с инновациями просто бессмысленна и крайне опасна для будущего страны.

Нашествие «квазиэффективных» менеджеров, которые не понимают, чем они управляют, стало очень острой проблемой. В каждой низкой конторе сидит какой-то старый спец, пара мальчиков и девочек, которые делают всю работу, а над ними несколько слоев «эффективных управленцев».

Ресурсы сейчас при сжатии ренты уменьшились процентов на десять, поэтому государство должно бороться с коррупцией и помогать бедным, наверное, на 10% меньше. Импортозамещению способствуют санкции, иначе так бы и не дали денег своим инженерам, а просто купили бы все готовое в обмен на «бочки».

Промышленная и региональная политика должна быть устойчивой, иначе она только навредит. Регионам надо дать больше возможностей, чтобы они занимались не только лоббированием финансов. Большие инфраструктурные проекты нам дороговаты. В условиях доминирования государства в инвестиционном финансировании обостряется проблема коррупции, а это тяжелая потеря мощности управления и эффективности.

Один из главных двигателей прогресса — конкуренция. Например, Польша без большой приватизации госпредприятий справилась с задачей развития с помощью конкуренции. И сейчас она чемпион Европы по темпам роста в последние лет десять и лучше Германии справилась с кризисом. А главное, полякам с их низкими зарплатами дали влиться в ЕС, чтобы конкурировать.

Человеческий капитал у нас используется нерационально. Мы сбываем тысячи студентов за рубеж, но у нас мало рабочих мест для того, чтобы они вернулись. При этом в частных охранных структурах занято более миллиона человек, которые могли бы делать что-то более производительное. По этому показателю мы вышли на одно из первых мест в мире, а сами жалуемся на то, что нет собственной рабочей силы. Наверное, пора вводить налог на охранников.

Интеллигенция вяло реагирует на кризис, наслаждаясь свободой путешествий, и критикует лишь ограничения на санкционные продукты. Государство озабочено тем, как раздать всем понемногу и сократить тем, кто не будет сильно противиться, остальные борются за бюджетные ресурсы.

Внешние обстоятельства могут меняться, а политика может быть гибкой в деталях, но опираться на общество, креативный класс, чтобы устоять в мировой конкуренции и обеспечить благосостояние жителям страны.

Если определяться с образом будущего, то надо сыграть в честную игру, предлагает **Александр Аузан**. Предпринятые до этого попытки создать позитивный образ будущего похожи на известную историю из «Женитьбы» Гоголя, когда Агафья Тихоновна не могла решить, которого из женихов ей выбрать: «Если бы губы Никанора

Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьми-ча». Нельзя строить будущее по принципу «Мы за все хорошее, против всего плохого».

Ресурсные ограничения заставляют нас делать выбор между инвестициями в ОПК, инфраструктуру или человеческий капитал. За каждым из этих направлений стоят некоторые образы будущего, потенциал которых надо просчитывать, прежде чем в них вкладываться.

Можно ли понять предпочтительный образ будущего по опросам экспертов, придерживающихся совершенно разных взглядов? Например, на прошлой неделе Сергей Глазьев и Алексей Кудрин высказали противоположные точки зрения по вопросам стратегии развития. При этом Глазьев предложил невиданно большую долю ВВП вложить в человеческий капитал, а Кудрин заявил, что человеческий капитал в принципе бесценен. Это точка консенсуса, только реальное движение у нас идет не в этом направлении, а в прямо противоположном.

Можно ли его изменить? Да, если мы понимаем, как устроена ловушка. Если она связана с короткими горизонтами, с тем, что нынешние интересы никак не соотносятся с целями, с которыми многие согласны, мы можем 10 раз провозглашать диверсификацию, пространственное развитие, инвестиции в человеческий капитал, но у нас будет по-прежнему расти энергозависимость, концентрация населения, затраты на человеческий капитал будут снижаться. Потому что короткие горизонты и низкий уровень доверия, а институты не стыкуют своими стимулами нынешний интерес и долгосрочные цели.

Субъект выбора образа будущего — это абсолютно всегда элита, которая включает свой выбор в свою повестку и продвигает в другие группы населения. Поэтому единственная возможность сформировать устойчивую стратегию на основе образа желаемого будущего — найти консенсус элит в отношении этого желаемого будущего, и тогда независимо от тех или иных поворотов будет воспроизводиться основа этой стратегии. После этого есть смысл искать систему компенсационных сделок, промежуточных институтов и т.д.

Сейчас наиболее заинтересованной в видении будущего группой выступает не бизнес, а

некоторая часть российских бюрократов, которые полагают, что ситуация впереди чревата довольно большими трудностями, поэтому надо попытаться найти какие-то новые пути.

Евсей Гурвич считает, что для избавления от сырьевой зависимости надо для начала прийти к общему пониманию того, по каким главным каналам «ресурсное проклятие», собственно, передается. Одни видят главное в макроэкономической волатильности, другие — в слабости институтов. С последними ситуация у нас не улучшается, их качество ухудшается. Можно посмотреть на примеры стран, включая Австралию, Канаду, США, Финляндию и другие, которые в свое время шаг за шагом ушли от этой зависимости.

В КДР расписано, что нужно делать государству и бизнесу для достижения высоких целей, но ничего не сказано о том, что заставит их действовать именно таким образом. КДР не учитывает политэкономические соображения — наличие у всех участников собственных интересов, которыми они руководствуются, если имеют такую возможность. Если компаниям с госучастием проще договориться с правительством о предоставлении им дополнительной поддержки, то они сосредоточат усилия, прежде всего, на лоббировании поддержки, а не на снижении издержек и проведении технологической модернизации.

Как же можно сократить или хотя бы начать сокращать присутствие государства в экономике? Для этого не нужно особо ничего придумывать, поскольку есть указ президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» от 7 мая 2012 г., который обязал правительство до 1 декабря 2012 г. подготовить программы отчуждения госкомпаниями непрофильных активов, а до 1 марта 2013 г. провести анализ эффективности работы консолидированных государственных компаний и выполнить программу приватизации.

Программа приватизации в 2012–2013 гг. была выполнена примерно на 10% от того, что запланировано. Это объяснили тем, что российские компании были тогда слишком недооценены. Понятно, как теперь они будут переоценены. Предусмотрено также ограничить приобретение акций, долей хозяйственных

обществ с преимущественно государственным участием. Главное, государство должно до 2016 г. — ждать уже недолго — выйти из капитала компаний «несырьевого сектора», не относящихся к естественным монополиям и оборонному комплексу. Так что все уже придумано, осталось выполнить.

Евсей Гурвич — не сторонник той точки зрения, что пенсий в перспективе вообще не должно быть, и в своих статьях он показывал, что если при растущей продолжительности жизни не менять пенсионный возраст, то это обязательно закончится либо деградацией пенсионной системы, либо финансовым кризисом, третьего не дано. Есть вполне разумный путь: по мере роста продолжительности жизни повышать пенсионный возраст, поддерживая соотношение между активной и пассивной продолжительностью жизни. И в этом случае можно поддерживать стабильность пенсионной системы.

Проблема в том, что наши элиты обычно имеют очень короткий горизонт планирования, а в краткосрочном плане они обычно проигрывают, поэтому они блокируют все, что им невыгодно сегодня, не думая о завтрашнем дне. Например, в Китае нет этой проблемы, там проводят реформы, от которых правящая коммунистическая партия проиграет в долгосрочной перспективе, а экономика выиграет. Но на кратком горизонте элиты не проигрывают, поскольку реформы идут очень медленно.

Сейчас правительство начинает сознавать, что придется пойти на какие-то изменения. Но оно еще не готово к качественным изменениям и надеется, что можно будет обойтись количественными корректировками (сократить бюджет и индексацию пенсий, повысить пенсионный возраст и т.д.). Обновленные «Основные направления деятельности правительства» рассчитаны в основном на импульс от девальвации и поддержку импортозамещения.

Но выигрыш от девальвации, по мнению многих экономистов (от Фабиана Кальво до Андрея Белоусова), определяется, прежде всего, изменением пропорций между оплатой труда и прибылью. В 1998 г. удалось резко повысить конкурентоспособность за счет сокращения доли оплаты труда в ВВП, а доля валовой прибыли за один год увеличилась на 15 пунктов. В

2008 г. этого не произошло, наоборот, конкурентоспособность снизилась. В 2014 г. конкурентоспособность немного повысилась, но всего на 2 пункта, а не на 15, поэтому серьезного импульса от девальвации наша экономика не получит.

Вместе с тем девальвационный эффект кризиса 2014–2015 гг. привел к повышению конкурентоспособности предприятий по сравнению с иностранными компаниями. Это дает возможность активизировать замещение импортных товаров, повысить уровень конкурентоспособности при экспорте.

Сейчас главная задача — помочь власти осознать реальную картину и объяснить, что нет легких путей выхода из кризиса, что не нужно покупаться на обещания, например, насытить экономику деньгами и этим решить сразу все проблемы. Это шарлатанство, считает Евсей Гурвич.

С чего начать?

Леонид Григорьев считает, что нужно ориентироваться на более широкий горизонт и вместо Стратегии-2030 работать над Стратегией-2050. К чему мы должны прийти через 35 лет? Нельзя выделить какой-то один показатель, но можно назвать несколько параметров желаемого будущего. Во-первых, нужно обеспечить темпы роста экономики, чтобы к 2050 г. выйти на уровень до 30–35 тыс. долл. ВВП на человека. Во-вторых, необходимо сосредоточиться на человеческом капитале, чтобы вернуть назад студентов. Самые лучшие и так возвращаются, потому что за рубежом у них есть потолок в карьере, а середняки попадают в финансовую ловушку, и нам их нужно переманить. В-третьих, нужно снизить неравенство хотя бы чуть ниже англосаксонского, но прибавить англосаксонские вертикальные социальные лифты. Это как минимум, а все остальное связано с развитием демократии и активности гражданского общества, восстановлением доверия граждан к общественным институтам и т.д.

Для этого надо повысить эффективность бюрократии, укрепить судебную систему, завершить разделение власти и собственности и сделать все то, что написано во всех стратегиях за последние 25 лет.

Леонид Григорьев вновь напомнил, что восемь лет назад разработана стратегия развития России до 2016 г. под названием «Коалиции для будущего». Она и сейчас во многом работоспособна при условии, что будет согласие между элитами о будущем страны, которое было бы приемлемо основным слоям населения.

К этому надо добавить устойчивую экономическую политику с понятными целями и ориентирами на несколько десятилетий вперед. На этой основе можно формировать будущую политику в отраслях, регионах и иных структурах.

Прежде чем заново писать Стратегию-2050 можно еще раз посмотреть три программы, разработанные в XXI в., и сделать сводку по крупным проблемам и секторам, а также по периодам: 2001–2008–2012. Тогда будет ясно, какие проблемы пытались решить, но не смогли, и по каким причинам.

В современном мире нет никакой универсальной политики на все времена и нет ничего устойчивого. Нет и модели для такой страны, как наша, и в принципе не может быть простой, четкой и постоянной модели роста. Все, что в мире толкового придумали, подходит для небольших однородных стран с открытой экономикой. Но это явно не наш случай.

Поэтому на ближайшие лет 15 для нас неизбежна «гибридная стратегия», поскольку страна у нас очень сложная и необычная.

Внешние обстоятельства могут меняться, а политика может быть гибкой в деталях, но опираться на общество, креативный класс, чтобы устоять в мировой конкуренции и обеспечить благосостояние жителям страны.

Александр Аузан задачу видит, во-первых, в институциональных преобразованиях, которые должны быть направлены на формирование промежуточных или, как сказал бы академик РАН Виктор Полтерович, переходных институтов, стыкующих долгосрочные цели с частными интересами потенциальных инвесторов — бизнеса, населения и государства.

Во-вторых, нужен сдвиг в культуре, в неформальных институтах: «из завтра в сегодня», поскольку выбор образа будущего влияет на сегодняшнюю деятельность. И «из сегодня в завтра», потому что мы можем использовать сложившийся культурный профиль в

модернизации характеристик человеческого капитала.

У нас есть возможность серьезного развития в своей собственной нише. Не раз говорилось, что нынешние неформальные институты позволяют России позиционироваться в сферах производства нестандартизированной продукции. Например, в создании уникальных продуктов, малосерийных, штучных, креативных, а также в опытных производствах.

И, наконец, третье — это изменение социального контракта. Он может меняться только одним способом: если повышается переговорная сила самих носителей высококачественного человеческого капитала. При росте спроса на этих носителей он получает то, что Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон назвали инклюзивными институтами, в которых хорошо и комфортно живет высококвалифицированным людям, занимающимся саморазвитием и развитием страны. Поэтому если мы настроимся на такую постепенную трансформацию, то примерно понятно, какие меры были бы нужны. Потому что тогда мы бы двигались через изменение в трех плоскостях: образы будущего, инвесторы, социокультурные характеристики.

Сейчас самый интересный инвестор будущего — это население, потому что у него больше 30 трлн рублей, по данным за 2014 г. А мы считаем, что сейчас инвестировать должно государство, самый бедный из инвесторов, у него порядка 13–14 трлн. Еще 14 трлн — у частного бизнеса. Население перекрывает по возможностям и то, и другое. Но только оно вам копейки не даст в этих условиях, хотя, по результатам опросов, заинтересовано в том, чтобы были школы, детские сады, поликлиники и больницы.

Деньги есть у населения, а у государства их нет. Поэтому движение от одного образа будущего к другому может происходить, если мы сдвигаемся, во-первых, в социокультурных характеристиках, во-вторых, в стыковках интересов вот этих инвесторов через разного рода промежуточные институты: накопительную пенсионную систему, прямые налоги с селективным распределением и т.д. Это взаимосвязанные вещи.

Вот примерный набор мер, который может стыковать образ, к которому нас сейчас тащит, и тот образ, который многие называют как наиболее желательный — «страна умных людей».

Сейчас ОПК стал важной точкой затрат. На мой взгляд, здесь возможен интеллектуальный маневр. Вообще говоря, взять деньги на инновации у обычного человека трудно, потребителю инновация особо не нужна. Его можно либо обмануть, либо напугать, например, сказать: «Не хочешь кормить свою армию — будешь кормить чужую». Поэтому инновационный процесс там, конечно, запустить можно. Вопрос: как его запускать дальше? Вот это, на мой взгляд, и есть интеллектуальный маневр в ОПК.

Далее — государственные инвестиции в инфраструктуру. Это расширяет группы поддержки и позволяет соединить государственные и частные деньги. Децентрализация налогов и полномочий в пользу регионов вместе с прямыми налогами и введением возможности голосовать рублем — все это будет означать рост значения инвестиций в человеческий капитал через деньги населения. Потому что пока не будет культурных сдвигов, скорее всего, принудительные механизмы в виде накопительных пенсий и прямых налогов могут работать.

Это первоочередные шаги, которые могут дать какой-то результат. К какой точке они приведут через 20 лет? Сегодня невозможно дать ответ на этот вопрос. Стратегию нужно делать не до 2030, а до 2035 г., чтобы соединить ее с политическим циклом (в 2030 г. должны состояться президентские выборы в России — *прим. автора*).

Евсей Гурвич полагает, что первоочередная задача — создать платежеспособный спрос на реформы, поскольку в противном случае любые попытки изменить ситуацию ждет судьба «Стратегии -2020». Ее не надо идеализировать, но она не была реализована не из-за своих недостатков, а потому что власть надеялась, запуская эту реформу, найти «философский камень», то есть способ без какой-либо «платы» решить все экономические проблемы. Но так не бывает.

«Платежеспособный спрос» — это выражение из советского прошлого, когда экономическая наука разделяла «объективный» и «платежеспособный» спрос. В данном случае это означает

реформы, за которые власть готова «платить» временным снижением поддержки населения или какой-то группы влияния. А за большинство реформ необходимо чем-то «платить», потому что у нас остались реформы тяжелые, непопулярные. Поэтому в любой программе нужно постоянно оценивать «платежеспособный спрос» на реформы.

Затем нужно определить общее направление экономической политики по аналогии, например, с казахстанской программой «100 шагов». Это важно, поскольку сейчас бизнес оказался в ситуации полной неопределенности. Весь предыдущий вектор движения: интеграция в мировую экономику, вступление в ОЭСР, создание международного финансового центра в Москве и т.д. — все это уже не актуально, а куда все будет развиваться, неизвестно. И в такой ситуации бизнес проводит единственную разумную политику: ждет, когда все прояснится. Конечно, новая стратегия должна быть не просто пиар-заявлением, а содержать какие-то серьезные, вызывающие доверие тезисы.

Если говорить о ключевых целях новой стратегии, то на первом этапе необходимо восстановить макроэкономическую стабильность. Причем на этой стадии стимулирование спроса должно быть запрещено, поскольку оно только затягивает выход из кризиса. Особенности нашей экономики таковы, что внешняя стабилизация после такого шока происходит в основном за счет сокращения спроса. Если мы внутренний спрос стимулируем, мы просто мешаем экономике адаптироваться к шоку.

Затем нужно решать структурные проблемы: переломить тренды рынка труда, несовместимые с успешным развитием экономики, оптимизировать численность занятых в бюджетном секторе, поэтапно повышать пенсионный возраст и мобильность рабочей силы. И здесь надо отдать приоритет мерам, решающим сразу много задач. Например, установлено, что чем выше численность (на душу) занятых в госуправлении в российских регионах, тем хуже в них экономический рост. Если мы сокращаем численность госуправленцев в регионе, конечно, вместе с функциями, то одновременно решаем три задачи: помогаем рынку

труда и бюджету, а также стимулируем рост экономики.

И самое трудное, конечно, институциональные изменения. Здесь требуется радикальное разгосударствление бизнеса, радикальное сокращение нерыночного сектора, изменение отношений бизнеса и власти, отказ от «промышленного патернализма» (поддержки «своих» компаний и банков с помощью льгот, госинвестиций и преференций независимо от их эффективности). Вместо этого надо обеспечить равную для всех «рыночную ответственность», усилить положительные стимулы для бизнеса, гарантировать защиту прав собственности. Необходимо также кардинально ослабить силовое давление на бизнес и явно избыточный контроль и регулирование его деятельности.

Все это очень трудно, но альтернативы нет. Альтернатива — это деградация нашей экономики, чего допустить нельзя...

Юбилейный, 100-й диспут, проведенный АНЦЭА, дает обильную пищу для размышлений и выводов. Однако, перефразируя классика, одно вполне очевидно: правильность и разумность российских стратегий «компенсируется необязательностью исполнения таковых».

И еще. Возвращаясь к мысли Леонида Григорьева о важности осознания за прошедшие 25 лет того, что наша страна безумно сложная, можно добавить: нам остается только понять, что простые решения — на уровне примитивных бухгалтерских, как чаще всего и практикуется, — здесь не работают.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

15 декабря исполнилось бы 68 лет доктору экономических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы РФ Наталье Николаевне Думной.

В связи с этим коллеги и друзья Натальи Николаевны подготовили брошюру, посвященную ее памяти. В настоящее время готовится новое, дополненное и расширенное издание, в которое войдут воспоминания, очерки, эссе и научные статьи ученых и представителей мира бизнеса, друзей и коллег Натальи Николаевны. Просим всех направлять материалы для этой книги по следующим электронным адресам до 01 февраля 2016 г.:

fm.fa@yandex.ru — д-р экон. наук, проф. Сильвестров Сергей Николаевич;

maria_chentsova@mail.ru — канд. экон. наук, доц. Ченцова Мария Викторовна.

Научная проблематика книги будет включать такие темы, как новая экономика, инновационное развитие России, сетевые компании, системные риски финансовой глобализации, трансформация экономических систем, синергетика в экономике, динамичные компании среднего бизнеса, повышение финансовой грамотности граждан и прочие, однако, учитывая многогранность личности и таланта Н.Н. Думной, не ограничится только ими. В связи с этим призываем вас проявить творческий подход и надеемся на широкий отклик самых различных авторов из Финансового университета и других высших учебных заведений! Будем благодарны за ваши статьи, воспоминания, эссе и фотографии. Ждем ваши материалы!